

С. В. Никоненко*

КАРЛ МАРКС В ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФИЛОСОФИИ. МАРКСИСТЫ И КРИТИКИ**

В статье проводится анализ идей англоязычного марксизма, на примере теории М. Корнфорта и других представителей. В качестве критиков марксизма со стороны аналитической философии приводятся Б. Рассел и К. Поппер. Делается попытка создать представление о целостной картине марксизма и его критики в Англии и США. Показывается, что марксисты критикуют аналитическую философию за идеализм, логицизм и буржуазную сущность. В свою очередь, аналитические философы критикуют марксизм за односторонний материализм, экономизм, идеологический догматизм и «пророческую» социальную теорию. В заключение делается вывод о том, что в 1990-е гг. пятидесятилетний период полемики подходит к концу; и в лице Т. Рокмора начинается новый период историко-философского, свободного от идеологии изучения наследия Карла Маркса.

Ключевые слова: Маркс, марксизм, аналитическая философия, Рассел, Поппер, Корнфорт.

S. V. Nikonenko

KARL MARX IN THE SPHERE OF ENGLISH PHILOSOPHY. MARXIANS AND CRITICS

The article deals with the analysis of English Marxism, especially M. Cornforth. B. Russell and K. Popper are taken as the critics of Marxism in analytical philosophy. The matter of Cornforth's critics of analytical philosophy is idealism, logicism and bourgeois character. The matter of critics of Marxism by analytical philosophers is one-sided materialism, economism, ideology and prophetic social theory. It is supposed that fifty-year's period of polemics is finished. T. Rockmore starts the new time of studying Marx — without ideology and polemics.

Keywords: Marx, Marxism, analytical philosophy, Russell, Popper, Cornforth.

---

* Никоненко Сергей Витальевич, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; serg_nikonenko@rambler.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20–011–31243 «Марксизм: pro et contra. Идеи и ценности в марксистской традиции в истории и современности. Российский опыт и зарубежный контекст».

В этой статье делается попытка представить панораму философии англоязычного марксизма, а также проследить эволюцию критики этого учения в аналитической философии. Особо оговорим, что предметом статьи выступает по преимуществу теоретическая философия; идеологические же дебаты оставлены за ее пределами. К тому же, в отечественной литературе практически отсутствуют обобщающие работы, в которых затрагивался бы целостный контекст англоязычного марксизма, рассмотренный в жанре *pro et contra*.

Важным моментом является то, что аналитическая философия возникает как реакция на абсолютный идеализм и, в частности, на гегелевский историзм. Поскольку «поставленные с головы на ноги» принципы гегелевской диалектики являются основоположениями марксизма, то данная позиция была обречена стать враждебной для любого сторонника аналитического подхода. Вследствие этого марксизм рассматривается как эпизодическое течение на арене британской философии, которое, тем не менее, нельзя совершенно игнорировать хотя бы на том основании, что многие идеи Поппера, Рассела и других известных философов, так или иначе, отталкивались от марксизма.

Хотя в Великобритании и США было немало видных марксистов, в области философии можно признать, что первенство принадлежит Морису Корнфорту (1909–1980). Неслучайно именно его труды были избраны для перевода на русский язык; причем это решение было принято не только вследствие очевидных идеологических причин. Корнфорт был признан в СССР как один из выдающихся марксистских философов; по его книгам, переведенным на русский язык, оформлялся «официальный» взгляд представителей философии диалектического материализма на британскую философию. Советские историки философии, например, А. С. Богомолов, постоянно отмечали, что Корнфорт «подвергается травле» в британских научных кругах, что его идеи замалчиваются. Так формировался ореол мученика вокруг Мориса Корнфорта, творчески мыслящего и оригинального критика, но фанатичного эпигона советского марксизма.

Выделение положительных идей в творчестве Корнфорта представляет собой определенную трудность. Корнфорт занимает предельно ортодоксальные позиции, выступая, скорее, как пропагандист «классиков» марксизма, чем как самостоятельный мыслитель. Поэтому Корнфорт добился гораздо больших успехов в роли критика основных течений «буржуазной» философии: позитивизма, прагматизма, лингвистической философии и социальной теории Поппера.

Сущностью буржуазной философии, по мнению Корнфорта, является позиция последовательного агностицизма, то есть «тенденция к отказу от попытки понимания мира и нашего места в нем при помощи философии» [4, с. 33]. Этот тезис Корнфорт обосновывает двояко. Во-первых, буржуазия не желает революционного преобразования общества, установления справедливой и прогрессивной идеологии. Это выражение «классовой позиции» Корнфорта, должно быть учтено при попытке философского рассмотрения его творчества. Во-вторых, буржуазная философия представляет собой агностицизм, поскольку выводит субъективистскую теорию познания, согласно которой невозможно прийти к познанию существования чего-либо, кроме ощущений. Опирируя

термином «чувственные данные», британские философы не понимают сущности ощущения, которая устанавливается в процессе социально организованной практики. Сосредоточившись на исследовании индивидуальных актов познания, «они внесли лишь новую идеалистическую путаницу в метафизические схемы, а их “заслуги” состоят лишь в том, что они создали для науки ряд новых препятствий и придумали несколько довольно глупых “философских” ловушек» [4, с. 507]. Это, полагает Корнфорт, приводит буржуазную философию к сухому логицизму и отказу от поиска смысла суждений. Нет сомнения, что данная тенденция присутствует в аналитической философии. Но Корнфорт явно игнорирует некоторые идеи в критикуемой доктрине. Например, в теории дескрипций Рассел доказывает, что только то имя может быть введено в язык, которое обозначает нечто, существующее в реальности, т. е. существующее за пределами сознания. Корнфорт же видит в фундаментальной логической реформе Рассела только оттачивание субъективно-идеалистической методологии, забывая, что неореализм находится в постоянной оппозиции по отношению к субъективному идеализму. В британском реализме Корнфорт (как, впрочем, и советские философы эпохи марксизма) видят лишь форму субъективного идеализма, что, очевидно, ошибочно.

Происходит определенная «узурпация» права на объективное познание Корнфортом. Любая идеология — классовая идеология; марксизм — идеология будущего, идеология прогрессивного класса. Корнфорт неоднократно подчеркивает, что «вечные истины» и «беспристрастность» современных философов — лишь ширма для прикрытия социального заказа буржуазных кругов. Стоит ли говорить, какую бурю негодования вызывали подобные высказывания Корнфорта среди его коллег. Корнфорт постоянно ссылался на сочинения Маркса, Ленина, Сталина, Жданова, Мао, доказывая, что буржуазная наука отличается «анархичностью, бесплановостью, некоординированностью» [4, с. 445]. Подобные мысли воспринимались английскими интеллектуалами как курьезы.

Заочная полемика разворачивается между Корнфортом и Бертраном Расселом. Критикуя идеи Рассела, Карнапа, Мура и других философов, Корнфорт пытается доказать, что «логический анализ» чувственных данных представляет собой форму современного берклианства. Логический анализ, заимствуя положения науки, устанавливает монополию на их истолкование в пределах целостной структуры знания. В отличие от Мура, испытывавшего необходимость в «доказательстве» существования внешнего мира, Корнфорт не видит ничего таинственного в том, что существуют материальные объекты чувственного восприятия. При этом Корнфорт слепо доверяет «познаваемости» материальных объектов в ощущении, игнорируя как необходимость логического доказательства этой познаваемости, так и классические парадоксы, связанные с обоснованием объективности содержания чувственного опыта. Корнфорт ссылается на активный характер ощущения в марксистской трактовке, что должно служить преодолением идеалистической «пассивной интроспекции». Аналитики, полагает он, стремятся «построить мир» из логически выведенных первичных элементов, исключая материю из сферы эпистемологического анализа. Здесь Корнфорт весьма удачно критикует «нейтральный монизм» Рассела,

когда материальный мир оказывается логической конструкцией из «нейтральных» чувственных данных. Но этот эпизод, тупиковое ответвление в истории аналитической философии, от которого ее представители решительно отказались, преподносится Корнфортом как наиболее существенная черта теории познания аналитической философии. Корнфорт приходит к весьма спорному тезису, согласно которому

философские результаты Рассела оказываются во всех отношениях абсолютно тождественными с философскими взглядами Эрнста Маха [4, с. 138].

Данное высказывание имеет смысл, если отбросить реалистический базис философии Рассела, если отбросить его теорию дескрипций, если отбросить его положения в области философии науки. Если все это не принять в учет, то Рассел, как последователь Маха, будет маргинальной фигурой в современном философском дискурсе. Маргинальный характер носит и изложение Корнфортом своих мыслей об Айере: «Из этого вытекает также, что все разговоры Айера об отказе от метафизики, как и вся подобная болтовня его учителей, — фальшивы» [4, с. 261]. Мы полагаем, что ложно предположение Корнфорта, согласно которому аналитические философы знают нечто о существовании внешнего мира только на основании чувственного восприятия. Это положение безнадежно увело Корнфорта в сторону от понимания сути реализма в аналитической философии. Например, он утверждает, что логический позитивизм оказывается «формой философии иррационализма» [3, с. 34], что совершенно обосновательно. Характер критики Корнфорта, конечно, далек от цинизма мракобесов сталинского времени, но близок им по существу, и для британских мыслителей надолго останется примером своеобразного философского хулиганства. Ведь как иначе судить следующие суждения: буржуазная философия «призывает принять каннибальскую мораль империализма» [3, с. 301]. Справедливости ради отметим, что и противники марксизма отличались резкими эпитетами. Поппер, Оруэлл, иногда и сам Рассел неоднократно выступали с непозволительными для научной полемики критическими оценками марксизма и коммунизма.

Здесь самый подходящий момент обратиться к анализу воззрений Рассела на материалистическую философию, марксизм и коммунизм. Свое этическое credo, которое он не раз называл «этикой просвещенного человека», Рассел выражает следующим образом:

Философия не может сама по себе определить цели жизни, но она может освободить нас от тирании предрассудка и искажений ограниченного воззрения. Любовь, красота, познание и радость жизни — эти вещи сохраняют свой блеск всегда [20, р. 312].

Бертран Рассел — один из творцов принятой на Западе доктрины «общечеловеческих ценностей». Просвещение и рост «рациональности» человека, борьба с «гневом замкнутых групп» в политике, разрушающим цивилизацию, преодоление религиозного фанатизма, познание импульсов и эмоций и умение управлять ими, борьба за мир, выступление против тоталитаризма и духовного нивелирования — вот положительные выводы этики Рассела, которую он пропагандировал в своей публичной деятельности. Рассел пишет:

Я вижу перед собой блестящую картину: мир, где нет голодных, где немногие больны, где все искренне верят в общее дело, и где умы свободны от страха, создавая радость для глаз, ушей и сердца. Не говорите, что это невозможно. Это очень возможно [20, р. 225].

Вероятно, гуманизм Рассела не был бы столь радикальным, не посети он в 1920 г. Россию — страну, где он увидел попрание практически всех отстаиваемых им ценностей в сочетании с лицемерным признанием их на деле. Книга «Практика и теория большевизма» всегда будет незаменимым источником по истории России послереволюционного периода. Все, прочитавшие эту книгу, не могут не согласиться, что она написана в сдержанном и беспристрастном тоне. Рассел сочувствует большевикам, считая, что коммунизм необходим человечеству, развенчивает догму «звериного лица» большевизма. Книга Рассела была запрещена советской цензурой, тогда как более «антисоветская» книга Г. Уэллса «Россия во мгле», наоборот, пропагандировалась. Запрещение обусловлено последующей враждебной по отношению к коммунистической идеологии позицией Рассела. Полное отсутствие демократии и парламентаризма, произвол и террор властей, фальшивая идеология, жизнь человека на положении «раба правительства», доносы и голод — Рассел ярко описывает реалии большевистской России. До визита в Россию Рассел склонялся к социализму и в книге «Политические идеалы» (1917) даже выступил за отмену частной собственности, отстаивая тезис о возможности получения экономической прибыли только государством (затем он пересмотрел свою позицию и стал рассматривать собственность как базовое желание человека).

Что необходимо для воплощения идеалов Рассела? Необходимо торжество науки и «добрая воля» людей. Необходима «смелость, надежда и любовь». Возможно, что все это будет куплено ценой страданий и бед человечества в прошлом. «Мы должны допустить, что рабство и социальная несправедливость играли в прошлом полезную роль для развития цивилизации» [20, р. 86], — отмечает Рассел, имея в виду не моральную, а историческую ценность рабства. После апологии рабства, Рассел отмечает, что «единственная вещь, которая спасет человечество — это сотрудничество» [20, р. 198]. Тогда наступит гармония между «общественным мнением» и стремлением человека к счастью. Можно вскрыть несомненно идеалистический характер подобных максим, но Рассел сделал их руководством к действию, Рассел стал одним из самых известных правозащитников XX в., выступая против тоталитаризма, коррупции, войн и насилия, любых форм угнетения человека человеком. Рассел не идеализировал западную демократию и постоянно выступал против «тупости правителей», мещанских идеалов респектабельности, образовательной системы, направленной не на развитие умственных способностей, а на передачу информации. Социальная справедливость, которую Рассел считал критерием социального развития, не наступит, если человек не обратится к разуму, не перестанет ставить себя выше остальных, не поднимется выше предрассудков партий, классов, наций. Рассел одним из первых вывел идеал «терпимости», ставший базовой категорией в современной британской моральной и политической философии (И. Берлин, М. Оукшотт, А. Монтефиоре, А. Флю и др.).

Ценным источником для понимания Расселом природы марксизма является его небольшая глава в «Истории западной философии», где он дает оценку этому учению. Тон этой небольшой главы, в основном, критический. Рассел критикует Маркса за то, что он «несамостоятельный» философ. Он пишет:

Рассматриваемый исключительно как философ, Маркс имеет весьма серьезные недостатки. Он был излишне практическим, слишком погруженным в проблемы своего времени. Кругозор его был замкнут этой планетой, а в ее пределах — Человеком [13, с. 303].

В принципе, если отбросить несколько резкий для Рассела тон, его вряд ли можно признать неправым. Маркс никогда не позиционировал себя как философ-теоретик; его философия, так или иначе, связана либо с политэкономией, либо с политикой, либо с идеологией. Ценно и то, что Рассел видит в Марксе антропологически ориентированного мыслителя. По Расселу, Марксу были бы вряд ли интересны занимавшие его проблемы логики, математики, эпистемологии, философии языка.

Получается, что Рассел и Маркс «соприкасаются» больше всего в области политической философии. И здесь тон Рассела становится критическим. Рассел пишет:

Однако я считаю, что Маркс неправ в двух отношениях. Во-первых, социальные условия, которые должны приниматься в расчет, в той же мере являются политическими, как и экономическими; они связаны с властью, лишь одну из форм которой представляет собой богатство. Во-вторых, социальная причинная обусловленность, в значительной степени, перестает применяться, как только проблема становится детализированной и технической [13, с. 300].

Рассел считает, что можно обоснованно критиковать «экономизм» Маркса. С его точки зрения, движущей социальной силой является не экономика в «чистом» виде (то есть предпринимательство), а симбиоз экономических и политических факторов. Судя по текстам политических сочинений Рассела, он допускает равноценность экономических и политических факторов; причем политика может не только влиять на экономику, но и существенно ее реформировать. Придерживаясь левых, лейбористских, близких к социализму воззрений, Рассел выступает идеологом политического подхода к улучшению общества; и такой подход оказывается доминирующим во всей последующей аналитической политической философии.

Непростые отношения складываются у Рассела с марксистской идеей коммунизма, которую он интерпретирует в контексте русского «большевизма»; тем более, имея опыт пребывания в Советской России и общения с ее руководителями, в том числе и В. И. Лениным. В книге «Теория и практика большевизма» Рассел особо выделяет профетический аспект коммунизма. Для него это своеобразная утопия, не лишенная глубокой веры. Он пишет:

Большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия со своими догмами и священными писаниями. Когда Ленин хочет доказать какое-нибудь положение, он по мере возможности цитирует Маркса и Энгельса [12, с. 7].

Понятно, что такая оценка может пониматься только иносказательно. На самом деле, марксизм, особенно советский, — это догматическая, идеологически выверенная философия. К примеру, в книгах и учебниках 1930–1950-х гг. марксизм-ленинизм печатно именовался «единственно правильной философией». Уже в 1920-е гг. Рассел предвидел, что марксизм превращается в идеологию с безусловным авторитетом любого суждения Маркса, Энгельса и Ленина. В этой идеологии нет места свободной дискуссии; наоборот, она влечет за собой формирование нового «индекса запрещенных книг»: цензурные запреты и подавление любого инакомыслия. Учение Маркса о фатальном наступлении эры коммунизма, по Расселу совпало с «восточными» чертами характера русского народа, что привело к перенесению на идеологию марксизма религиозных ценностей и практик. Вместе с тем, и Рассела вполне можно упрекнуть за то, что он не особо стремится вникнуть в «источники» марксистско-ленинской доктрины, хотя ее и критикует. Можно согласиться по этому поводу с Б. В. Марковым, который пишет:

Содержание второй части книги, специально предназначенной для разбора теории, как раз в этом отношении выглядит бедноватым: нет прямых ссылок ни на одну работу Маркса, Энгельса или Ленина [8, с. 118].

Наряду с Расселом, Корнфорт также вступает в полемику с другим видным критиком марксизма Карлом Поппером. Корнфорт посвящает целую книгу разбору и критике концепции «открытого общества». Основная цель Корнфорта — доказать, что Поппер извратил и неверно представил основные положения исторического материализма, что у Маркса отсутствуют термины «историцизм», «эссенциализм» и др., что «историческое пророчество» Маркса представляет собой научное понимание и обоснование социальных процессов. Несмотря на полное пренебрежение положительными моментами критики Поппера, Корнфорт справедливо отмечает непонимание Поппером сущности диалектического метода Гегеля, что вполне соответствует нашей точке зрения.

Безусловно, Корнфорт приписывает Попперу желание «отказаться от всякой мысли о коренном изменении социальной системы и довольствоваться «починкой» отдельных институтов» [6, с. 300]. Корнфорт пытается доказать, что все предпринимаемые философские апологии демократии не имеют смысла, и ратует за установление диктатуры пролетариата (по Попперу, это является типично «закрытой» формой общества). Согласно Корнфорту, за «социальной инженерией» и тактикой реформ Поппера стоит буржуазная идеология. «Буржуазия фактически отказалась от всяких нравственных норм; у нее нет другого закона, кроме закона политики силы и преследования корыстных интересов», — пишет он [4, с. 535]. При социализме, полагает Корнфорт, установятся новые социальные отношения, когда «отношения между миллионами людей, большинство из которых никогда не встретятся, могут быть сделаны столь же личными, как отношения близких друзей» [5, с. 388]. Социализм, как результат революционного обобществления средств производства, приведет к установлению нового морального кодекса, когда люди впервые сами начнут понимать и строить общество.

Обратимся к взглядам Поппера на марксизм. Центральные идеи социальной философии Поппера группируются не вокруг рассмотрения Платона и Сократа, а вокруг критики Маркса. Поппер в юности сочувствовал социалистам и участвовал в коммунистических демонстрациях, но затем в 1919 г. разочаровался в марксизме навсегда, поскольку увидел несовместимость марксизма и «индивидуальной свободы». Отношение Поппера к Марксу двойственно. С одной стороны, Маркс — мыслитель, который утвердил научный анализ социальной реальности. С другой стороны, он — самый опасный «социальный оракул», изобретавший идею коммунизма.

Поппер полагает что «не может быть сомнения в гуманистическом импульсе, лежащем в основе марксизма» [10, с. 98]. Маркс боролся против лицемерия в политике и философии, стремился помочь угнетенным, стремился доказать экономическую возможность существования более справедливого общественного строя, был интеллектуально честным. Поппер отмечает прогрессивность одиннадцатого тезиса о Фейербахе, согласно которому философы должны не объяснять, а изменять мир, т. е. заниматься научным предсказанием будущего. Маркс подверг решительной критике «психологизм» в философии, что послужило делу становления социологии как самостоятельной науки. Поппер отмечает: «Я испытываю значительную симпатию к надеждам Маркса на уменьшение вмешательства государства в жизнь общества» [10, с. 222]. Это ведет к искоренению бюрократического государства.

Несмотря на эти положительные моменты, Поппер видит в Марксе врага свободного общества и наиболее решительного апологета «исторического пророчества». Маркс ошибочно полагал, что экономические законы позволяют судить о будущем состоянии общества. Согласно Марксу и Энгельсу, как известно, должно прогрессировать обнищание пролетариата и разложение капитализма. Но это невозможно, по мнению Поппера, отнести к социальному развитию современного человечества. Марксисты делают вывод о будущем человечества, которое предопределено настоящим. Каждый отдельный случай обосновывается марксистами, исходя из экономических причин, что является формой эссенциализма. Вера в экономическую справедливость достигает у Маркса силы религиозного убеждения (в русской философии этот взгляд отстаивали Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский и др.). Наконец, марксизм — это идеология, которую проводит партия, верящая в коммунизм как в историческое пророчество; это — «ловушка» для многих думающих людей XX в.

Подобные воззрения Поппер разделяет с Расселом, Геллнером, Тэйлором, Флю и другими английскими философами, писавшими о марксизме и большевизме. В отношении подобной интерпретации Маркса прав марксист Д. Льюис, выдвинувший следующий критический аргумент:

Поппер вообразил себе и непрестанно повторяет, будто марксизм есть вера в нечто фатальное, все и вся предопределяющее, в некое начало, действующее независимо от человеческого сознания и воли. В действительности Маркс... не был ни пророком, ни астрологом [7, с. 88].

Например, Рассел полагал, что догма первичности экономики по отношению к политике обусловлена тем, что Маркс был введен в заблуждение конкрет-

ной ситуацией Англии 1840-х гг. (когда писал «Экономически-философские рукописи»). Подобно Попперу, Рассел считал, что «при демократии власть экономических организаций при принятии политических решений ограничена общественным мнением» [18, р. 130]. Рассел, например, выдвигает чисто субъективный тезис: «Существующая сегодня Советская система является овеществлением желчной мизантропии Маркса» [19, р. 10].

Вот краткое изложение pro et contra, выдвинутых Поппером в адрес марксизма. В настоящем исследовании нет необходимости оценивать их правильность, но нельзя не отметить справедливость точки зрения Поппера, согласно которой после первой мировой войны Западную экономику уже нельзя назвать «капиталистической». Поппер также совершенно верно отмечает, что экономическая доктрина Маркса насаждалась в России исключительно политическими методами. Ленин, по мнению философа, осознал первичность политических сил по отношению к экономическим в социальной жизни, что отсутствовало у Маркса. Поппер пишет:

Я лично считаю, что марксов экономизм — настойчивое утверждение им экономических предпосылок в качестве последнего основания любого развития — является ошибочным и фактически несостоятельным. На наш взгляд, социальный опыт ясно показывает, что при определенных обстоятельствах влияние идей (возможно, поддержанных пропагандой) может перевесить и вытеснить влияние экономических сил [11, с. 134].

Анализируя программу Ленина под лозунгом: «Социализм — это диктатура пролетариата плюс электрификация всей страны», Поппер отмечает, что в СССР движущей силой социальных изменений становятся не экономические факторы, а «энтузиазм по поводу идеи» [10, с. 129], умело разжигаемый властями.

Существует ли справедливое общество? Предоставим слово Попперу:

Я защищаю скромную форму демократического («буржуазного») общества, в котором рядовые граждане могут мирно жить, в котором высоко ценится свобода и в котором можно мыслить и действовать ответственно, радостно принимая эту ответственность. Во многом это походит на общество, ныне существующее на Западе [9, с. 7].

Наши западники прошлого века выдвигали подобную точку зрения, хотя были далеки от идеализации Западной Европы. Они полагали, что Запад является передовым отрядом человечества, что западные законы, экономика, культура наиболее совершенны, но отмечали, что и в этих странах часто за идеалами скрывается неприглядная действительность. Поппер далек от взгляда Панглоса и Лейбница, что человек живет в лучшем из возможных миров; он просто отказывается менять этот мир на лучший. Поппер стремится опровергнуть точку зрения Маркса, согласно которой демократия всегда оборачивается диктатурой олигархических кругов, замаскированной демагогическими лозунгами. Для Поппера усиление «демократических институтов», наоборот, ведет к ослаблению власти финансовой верхушки и бюрократии. Дееспособность демократии обусловлена степенью понимания каждой личностью того, что долг каждого — считать все злоупотребления властью «опасной бандой»

преступников» [10, с. 177]. Нельзя признать, что даже в наиболее благополучных и развитых Западных демократиях эта цель достигнута даже в настоящий момент, поэтому неслучайно Поппер подводит под свое политическое учение кантовское понятие долга. Марксизм, по Попперу, в странах социалистического лагеря «погиб от марксизма», то есть от того, что люди не верили в искусственные догмы, не соответствующие социальной реальности; и когда правящие круги уже не смогли подкреплять демагогию террором — коммунизм пал. Он пал, потому что весь цивилизованный мир пришел к осознанию истины: «Политическая власть и присущие ей способы контроля — это самое главное в жизни общества» [10, с. 148], и что догму экономической власти необходимо отвергнуть.

С нашей точки зрения, Поппер гораздо более внимателен, нежели Рассел, к теории и практике марксизма. Если так можно выразиться, Поппер «более серьезно» относится к марксизму, нежели Рассел. Но, в целом, его оценка марксизма во многом совпадает с оценкой Рассела. Так, Поппер тоже усматривает в марксизме пророческий элемент, облик новой социальной «религии». Поппер отмечает о Марксе: «Он ввел в заблуждение множество интеллигентных людей, поверивших, что историческое пророчество — это научный способ подхода к общественным проблемам» [10, с. 98]. В другом месте своего сочинения он пишет примерно о том же: «А в марксизме элемент религиозности, конечно, совершенно очевиден» [10, с. 228]. Также Поппер созвучен Расселу, когда критикует экономизм Маркса. «Согласно Марксу, все мысли и идеи должны были быть объяснены при помощи сведения их к стоящей за ними сущностной реальности, т. е. экономическим условиям. Этот философский взгляд, конечно, не намного лучше, чем любая другая форма эссенциализма. И его последствия в области метода должны были привести к перекосу в сторону экономизма. Дело в том, что, хотя общее значение марксова экономизма едва ли можно переоценить, очень легко переоценить важность экономических условий в каждом конкретном случае», — пишет он [10, с. 127]. Поппер приводит в пример музыкальные произведения Бетховена. С его точки зрения, никакие представления о классовой сущности композитора, об экономическом укладе общества того времени, о материальных обстоятельствах жизни композитора и т. д. не смогут объяснить природу гениальности Бетховена и его музыки. Аналогично судил и Исайя Берлин, — еще один критик марксистской идеологии в Великобритании (в силу ограниченности объема, мы здесь подробно не рассматриваем его идеи). Имея опыт общения и поддерживая дружеские отношения с русскими литераторами (Пастернак, Ахматова и др.), Берлин также развенчивает миф о «классовой сущности» писателя или поэта, беспристрастно передавая горестную судьбу деятеля культуры в условиях жизни и творчества в СССР, информируя о постоянной атмосфере замалчивания, слежки и травли неугодных или «неблагонадежных» литераторов. Тем самым можно заключить, что Рассел, Поппер, Берлин и др. критики марксизма делают объектом критики, прежде всего, экономизм, тоталитаризм и идеологический гнет, к которому ведет господство марксистско-ленинской философии. При этом их несколько меньше привлекает доктрина «диалектического материализма», то есть собственно онтология и теория познания марксизма. Эта часть

учения интерпретируется как «гегельянская» и «просвещенческая» по своей сути и очевидно не самостоятельная.

Более кратко приведем имена и учения других крупных англоязычных марксистов. В 1960-е гг. отношение британских марксистов к «буржуазной философии» резко меняется. Например, Дэвид Льюис отмечает, что марксизм, являясь революционно-критическим учением, должен обнаруживать и поддерживать все ценное и прогрессивное в западной культуре, а не отбрасывать его. Позиция Льюиса по отношению к аналитической философии, в целом, совпадает с вышеизложенной позицией Корнфорта. Он трактует аналитическую философию как «форму эмпиризма», как субъективно-идеалистическую философию, как теорию, неспособную дать адекватный социально-философский анализ. Льюис пишет:

Теории, пытающиеся объяснить природу общества, или теории, утверждающие, что общество находится в процессе развития, направление и цель которого могут быть раскрыты, нужно, по мнению представителей аналитической философии, отбросить как спекулятивные догадки, не верифицируемые экспериментом [7, с. 83].

Аналитическая философия является философией класса, власть которого, по мнению Льюиса, «ускользает из рук»; отсюда дух скептицизма, охвативший эту философию. Однако аналитическая философия сильно подорвала идеализм, религию и иррационализм; поэтому нельзя отрицать ее значимость. По мнению Льюиса, Поппер и другие аналитики ошибаются, полагая, что марксизм есть вера в нечто фатальное, в предопределение истории. Марксизм вполне может быть критическим и творческим. Он опирается на анализ реальных фактов, а не на отвлеченные спекуляции.

Британский социолог-марксист Г. Френкел в книге «Капиталистическое общество и современная социология» анализирует одну из главных социально-экономических тенденций развития западного общества — рост «среднего класса». Многие экономисты и социологи полагают, что «средний класс» вытесняет буржуазию с ведущих позиций в обществе и государстве, но, по Френкелу, это не так. Материалист, анализируя социальные процессы, не может игнорировать противоборствующие интересы различных классов и групп. «Средний класс» противоречив в себе, поскольку его представители одновременно и капиталисты, и наемные рабочие. ««Средний класс», следовательно, не есть класс, так как он не является цельным образованием с интересами, отличными от интересов других классов», — полагает Френкел [15, р. 207]. Вопреки идеологам «постиндустриального общества», Френкел убежден, что классовая борьба усилилась в последние годы. Он проводит «ортодоксальную» точку зрения Маркса и Энгельса об обреченности капитализма и адекватности классового подхода к истории. Френкел вступил в полемику с экономистом Д. Стрэчи, который считал, что капиталистическое общество постепенно эволюционирует в сторону социализма. Маркс, по мнению Стрэчи, выдвинул адекватное экономическое учение; но его взгляд на социальный прогресс является «нонсенсом». Надежды на осуществление социальной справедливости Стрэчи связывал с «путем общественного контроля, который

начинается с общественного контроля над финансами» [21, р. 334]. Френкел также интересен и своей полемической книгой «Злоключения идей» (1959), в которой он подвергает критике эпистемологию и онтологию А. Н. Уайтхеда.

Позиции, близкие марксизму, занимали представители левого лейборизма, видным теоретиком которого был Г. Ласки. Он был сторонником идеи классово-вой борьбы и необходимости диктатуры рабочих, но сочетал эти принципы с тактикой реформ и компромиссов, а не вооруженной борьбы. Согласно Ласки,

Любая социальная система проявляет себя как борьба за контроль над экономической властью, поскольку те, кто обладает этой властью, способны, в меру своих возможностей, удовлетворить свои желания. Закон становится системой отношений, которые являются легальной формой выражения этих желаний <...> Государство в этих условиях выражает волю тех, кто господствует в экономической системе [17, р. 17].

Идеалом нормального общества Ласки считает наличие «общественного консенсуса», достижение которого, с его точки зрения, невозможно до тех пор, пока существуют экономические привилегии и контроль магнатов над политической жизнью общества. «Государство есть организация для того, чтобы все люди преследовали общественное благо в максимально возможном объеме», — полагает Ласки [16, р. 24]. Подобный взгляд на государство вступает в противоречие с идеологией реакционных сил, поддерживающей (пусть даже только теоретически) неравенство, угнетение и эксплуатацию. Человек, по мнению Ласки, может бороться за право жить в лучшем мире. В задачи настоящего исследования не входит анализ политической программы Ласки, но отметим, что, как политический мыслитель, Ласки постоянно фигурирует на страницах сочинений современных британских философов. Это убедительно свидетельствует о растущей популярности его наследия в Британии.

Английский физик Д. Бернал посвятил свои философские труды размышлениям о роли науки в жизни современного общества. Наука, за последние столетия резко шагнувшая вперед и ставшая социальной силой, позволяет человечеству решить подавляющее большинство проблем, испокон веков затруднявших жизнь людей. Наука рассматривается Берналом как форма общественного сознания, поэтому наука всегда имеет идеологическую направленность и подчиняется интересам правящей верхушки. Бернал полагает, что

Само разделение мира на два основных лагеря с крайне противоположной идеологией является частично последствием науки. Два лагеря, на которые сейчас разделен мир, служат примером различных целей в применении науки [1, с. 15].

Он придерживается марксистского взгляда на историю науки. Наука является специфической формой знания и имеет свои специфические законы развития, но, как любая форма знания, она подчиняется общественным изменениям и обусловлена ими. Критерий истины в науке был указан еще Бэконом — это успех ее применения в материальном мире с целью удовлетворения материальных и духовных запросов человека. Не заявляя о своей марксистской позиции, Бернал разделяет положение Корнфорта о «продажности» всех наук (особенно общественных) во всех классовых обществах. Посвятив большой

очерк проблемам истории науки и Марксу, Бернал приходит к выводу, что наука так или иначе является прислужницей правящего класса.

Таким образом, в качестве заключения можно высказать предположение, что активная фаза полемики между марксизмом и аналитической философией охватывает период примерно в пятьдесят лет (1920–1970 гг.). В этот период формируется англо-американский теоретический марксизм, обретший крупнейшего представителя в лице М. Корнфорта. В это же период формируется критическая рецепция идей марксизма в аналитической философии, квинтэссенцией которой выступают труды Рассела, Поппера и Берлина. После этого наступает новая стадия — стадия спокойного и чисто теоретического изучения марксизма, которая во многом носит не критический, а историко-философский характер. Поэтому труды англоязычных авторов, которые пишут о марксизме, уместно сделать предметом другой статьи. Но все же нельзя пройти мимо идей Томаса Рокмора, который в своем труде «Маркс против марксизма» открывает «новую эру» изучения марксизма — эру беспристрастного текстологического анализа, свободного от любой идеологической полемики. Рокмор пишет:

Прошло время, когда политический марксизм мог расцениваться как философски значимый <...> Необходимо отставить марксизм в сторону и изучать непосредственно произведения Маркса, чтобы установить и оценить его позицию [14, с. 14].

Новизна подхода Рокмора и в том, что он стремится создать теоретический портрет самого Маркса, без последующих «наслоений» в трудах Энгельса, Каутского, Плеханова, Ленина и других марксистов. Отмечая высокую теоретическую ценность трудов Маркса, а также «очищение» образа Маркса от идеологии в связи с падением большинства социалистических государств, Рокмор призывает к тому, чтобы видеть в Марксе не вождя, не идеолога, не творца новой веры, а классика философии и гуманитарных наук. Поэтому на современном этапе изучения марксизма в англоязычной философии можно, в качестве перспективы, привести исследовательскую задачу Рокмора, который пишет:

Для успешной реконструкции идей Маркса необходимо выполнить пять условий — т. е. рассмотреть следующие темы: 1) марксизм, 2) Гегель, 3) политическая экономия, 4) Марксова модель современного индустриального общества и 5) конкретный вклад Маркса в философию [14, с. 24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернал Д. Наука в истории общества. — М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956.
2. Колесников А. С. Философия Бертрана Рассела. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
3. Корнфорт М. В защиту философии. — М.: Изд-во Иностранной литературы, 1951.
4. Корнфорт М. Наука против идеализма. — М.: Изд-во Иностранной литературы, 1957.
5. Корнфорт М. Марксизм и лингвистическая философия. — М.: Прогресс, 1968.

6. Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. — М.: Прогресс, 1972.
7. Льюис Д. Философская мысль Запада в эпоху марксизма // Вопросы философии. — 1966. — № 6.
8. Марков В. С. Послесловие // Рассел Б. Практика и теория большевизма. — М.: Наука, 1991.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. — Т. I. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги. — Т. II. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
11. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. — 1995. — № 1. — С. 118–138.
12. Рассел Б. Практика и теория большевизма. — М.: Наука, 1991.
13. Рассел Б. История Западной философии. — Т. 2. — М.: Миф, 1993.
14. Рокмор Т. Маркс после марксизма: философия Карла Маркса. — М.: Канон+, 2011.
15. Frankel H. Capitalist Society and Modern Sociology. — London: Lawrence and Wishart, 1970.
16. Laski H. J. Grammar of Politics. — London: George Allen and Unwin, 1925.
17. Laski H. J. Introduction to Politics. — London: J. B. Lippincott Company, 1954.
18. Russell B. Power. A New Social Analysis. — London: Routledge, 1940.
19. Russell B. Came the Revolution... // Saturday Review of Literature. — 1950. — March 25.
20. Russell B. Human Society in Ethics and Politics. — New York: George Allen and Unwin, 1955.
21. Strachey J. A Program for Progress. — London: Victor Gollancz Ltd, 1940.